

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА КЛИМОНТОВИЧА (Пушино, 27 января 2003 г.)

Юрий Михайлович Романовский:

Что я могу вам сказать о Юрии Львовиче? Действительно, я его знаю почти 50 лет, просто я пришел на кафедру в качестве аспиранта в 55 году, на кафедру Стрелкова, на физфак. И приблизительно в это время Сергей Павлович Стрелков взял его в качестве доцента. И поэтому я с ним прожил бок о бок очень много лет, причем это бок о бок — не только служебные отношения, это и всяческие походы туристические вместе, и за границей мы живали в одной квартире по несколько недель, и даже месяцев, то есть это очень тесные взаимоотношения. Квартира его была рядом с нашей работой, буквально через триста метров. Он жил последние 30 лет за кинотеатром «Литва», там дом университетский.

Родился он в сентябре 1924 года, в Москве. Это было сложное время. Было их три брата. И он, Юрий Львович, — это человек необычайной силы воли и необычайной судьбы уже только потому, что в детстве он заболел очень тяжелым туберкулезом, костным, и он лежал несколько лет, я не помню точно, но не два года, а больше. И испытал тяжелую операцию. Если кто-нибудь замечал, у него на шее шрам — это след от операции детских лет. И несмотря на все это, он кончил школу великолепно. Семья очень бедствовала, там и репрессии были, и всякие такие вещи, он кончил университет, физфак. И самое интересное, кто знает историю физфака, у него был научный руководитель Фурсов, Василий Степанович. Занимался Юрий Львович статистикой, теорией плазмы, а кандидатскую он делал у Боголюбова. Такие вот у него были учителя. И, как я понимаю, с этими людьми остались у него глубокие отношения, личные, и всякие.

В том числе и с Василием Степановичем Фурсовым. Фурсов, кто помнит, был всякий человек, но уж в тех людях, в которых он был уверен как в ученых, как в личностях, — он за них стоял. Он всегда их поддерживал, ложился, как говорится, перед парткомом, перед кем угодно. Это личность была уникальная. Он 35 лет был деканом физфака, а физфак был, наверное, самым крупным факультетом России. У нас сотрудников было в лучшие времена 4,5 тысячи человек, сейчас — около трех тысяч. Туда сейчас институты включаются — ГАИШ, НИЯФ, а все это был наш физфак. И Фурсов держал все в руках. И это на самом деле очень важно, что он был учителем Юрия Львовича, и остались потом отношения навсегда. Ну, не буду больше про это.

А вот как судьба складывается. Два брата Юрия Львовича попали на фронт. Один сразу погиб, а другой вернулся инвалидом, у него вот так ноги не было. Он был редактором издательства «Просвещение», не главным, а просто редактором. А вот Юрий Львович переболел тяжелой болезнью и на фронт не попал. Вот так сложилось. Уже в 57–58 году появились его известные публикации. Главное его научное направление — теория неидеальных газов и теория неидеальной плазмы. Он, конечно, в своей науке поднялся выше. Фактически Юрия Львовича можно сопоставить с такими людьми, как Пригожин и Хакен. И они его признавали, если хотите, не только как товарища, но как равновеликого человека. Сюда можно еще и присовокупить Вернера Эбелинга. Вы, наверное, его знаете. Он поступил в качестве аспиранта Юрия Львовича на нашу кафедру в 1961 году. И сейчас к нам постоянно приезжает из Германии. Вот такие личности. Были и в Америке люди, научно, что ли, близкие Юрию Львовичу. Конрад Михаил, например. К сожалению, он уже умер.

Эти люди совершенно по-новому взглянули на мир как физики. Этот взгляд, в отличие от огромного числа замечательных работ, посвященных закрытым системам, заключался в рассмотрении всех систем открытыми. А Юрий Львович за последние пятнадцать лет, когда

был чрезвычайно болен, был много раз оперирован по поводу рака, написал трилогию из трех книг, первый, второй и третий том — это статистическая теория открытых систем. А последний том, а он читается как роман, посвящен квантовым открытым системам. Это уникальные книги.

Я, может быть, расскажу вам немножко об этих научных взглядах, которые он здесь излагал, на этих научных конференциях, и кое-что напомним. Но я хочу сказать о его личности. Юрий Львович был человек весьма доброжелательный, очень внимательно относящийся к молодым. Он был самодостаточен в том смысле, что мог наукой заниматься сам. Ведь есть разные ученые, некоторые собирают коллективы, используют учеников при написании монографии, и так далее. А он свои монографии, которых, наверное, около пятнадцати, и которые все сразу переводились на английский язык, он писал собственной рукой. Более того, когда я с ним жил в Германии, я видел, что он и переводил их сам, очень современным образом.

Я хочу сказать, как он повлиял на мое развитие. Мы с ним находились рядом. Но ведь не с ним одним я находился рядом. С Русланом Стратоновичем, великим человеком, мы тоже находились рядом. И, казалось бы, с Русланом Стратоновичем — ближе соприкасались по нашим интересам. Со Стратоновичем у меня было несколько научных трудов. Он меня учил, хотя был мой сверстник. У него я очень много взял, будучи его соавтором. С Юрием Львовичем я не написал ни одной работы, но вся жизнь моя определялась именно его замечаниями. Я просто вам перечислю. Я думаю, что это типичный пример. Я думаю, что многие люди вот так вот воспитывались и руководились им. Когда я пришел в аспирантуру, у меня была тема — полет самолетов в турбулентной атмосфере. У меня шеф был — Стрелков Сергей Павлович, великий человек по части авиации, самолетов. И вот я этим делом занимался. А он, Юрий Львович, говорит мне: «Что ты!? Вот я предложу тебе тему, ею никто еще не занимался, все флуктуациями занимаются, а вот в колебательных системах частота флуктуирует. Будет ли при этом параметрический резонанс или нет? Вот бы занялся ты этим». А я говорю: «А как? А что делать?» Я зеленый был, с завода пришел в аспирантуру. А Юрий Львович говорит, что надо идти к Руслану и что он научит. И все. Это я Стратановича имею в виду, если вы не поняли. Я о нем уже говорил. Ну, я пошел к Руслану, он мне чего-то там написал, я ничего не понял. Но, в конце концов, получилась серия работ. Дальше жили.

А почему я занялся биофизикой? Вот там дальше я этими самолетами занимался, потом военной тематикой. А деньги в то время зарабатывались хоздоговорами. И много экспедиций у нас было. Правда, Юрий Львович никогда не участвовал ни в этих хоздоговорах, ни в экспедициях, а Руслан участвовал, Стратанович. Вот Юрий Львович мне и говорит — это было в шестидесятых годах, еще не было реакции Белоусова–Жаботинского: «Что ты ерундой занимаешься! Знаешь, кафедру биофизики сделали на факультете? А ты не знаешь, что там делается! Вот и диплом Букатиной ты не знаешь! Там три химических компоненты, и в трех компонентах происходят колебания. Вот и посмотри!». Люди, которые здесь сидят, наверное, знают, кто такая Анна Букатина. И я начал этим заниматься. Дальше — больше. А потом судьба (в роли судьбы выступил Симон Шноль) свела меня и Наташу Степанову с Дмитрием Сергеевичем и Ниной Михайловной Чернавскими. У нас получились совместные работы. И Юрий Львович все время наблюдал.

Потом вдруг говорит: «Чего это вы тут делаете? Давно пора книгу писать по этой вашей математической биофизике. Ведь нет ни одной в России!» Это было сказано в конце шестидесятых годов. Я ему: «А что же делать?» А он мне: «Вот тебе телефон моего брата, позвони ему, он тебе закажет книгу». Вот так появилась эта книжка — «Что такое математическая биофизика», написанная вместе с Н. В. Степановой и Д. С. Чернавским. Она была переведена во многих странах. Потом опять он мне говорит: «Ты что до сих пор диссертацию докторскую не написал?!» А я ему в ответ: «А что, надо?» — «Конечно, надо». Ну, я как всегда — а что мне делать? «Ну, вот завтра принеси мне введение». И так далее. Почему я рассказываю эту историю? Я думаю, что очень многие люди взаимодействовали с ним именно так.

Я наблюдал его последние двадцать лет на семинаре по синергетике. Кстати сказать, мы создали его втроем — я, Слава Алексеев и Наташа Степанова. Потом появился Данилов, Юлий Александрович, и пришел Юрий Львович. И стал семинар по синергетике Юрия Львовича. Туда приглашались самые разные люди со всего Советского Союза и из заграницы. И люди рассказывали по 120 минут — им и сейчас предоставляется такое время. Только расскажи! И Юрий Львович интересовался всем: и экономикой, и математикой, и биологией. У него всегда была крайне доброжелательная реакция, если даже ему не нравилось, что говорил докладчик. Он видел, что человек способный, и никакого безобразия не было.

Есть с кем сравнить. Я, например, присутствовал на семинарах такого великого ученого, как Израиль Моисеевич Гельфанд. Великий человек! Но это было что-то ужасное. Вы даже себе это не представляете! Он просто хватал докладчика за шиворот и неизвестно что с ним делал. Единственный, кто его мог усмирять — это Цетлин. Михаил Львович всегда сидел с трубкой и говорил: «Подождите, Израиль Моисеевич, прекратите, сядьте на место». А у Юрия Львовича всегда, по любому поводу, был интересный комментарий. Он старался человека увести туда или сюда, где ему интересно.

В последние годы жизни, особенно в последние лет десять, у Юрия Львовича появилось такое свойство — у него возникали новые идеи, о которых я тут немножко скажу. И он стал всюду с этими идеями выступать. Он же был Гумбольдтовский профессор, ездил по всему миру. Его все приглашали. И он всюду проповедовал свои теории. Вопрос в том, что более организовано — ламинарное течение или турбулентное. Он все время ставил именно такие спорные вопросы. Некоторые даже считали его каким-то заикленным человеком. Некоторые не понимали этого. Что это он, и здесь выступает, и там. Что такое? А мне Галина Юрьевна лет семь тому назад объяснила: «Понимаешь, ведь он же так мыслит». У него был такой способ мышления. Это она правильно объяснила. Он хотел успеть рассказать и услышать реакцию.

Последний месяц жизни ему было очень тяжело. У него были большие боли, и он очень страдал. Но при этом он мне мог сказать: «Вы монографию написали? У вас дискета есть?» Это он имел в виду нашу монографию с Эбелингом. И попросил принести дискету. «Я хочу ее посмотреть. И мы ее с тобой обсудим». У него всегда был такой разговор. По телефону звонит и говорит: «Что-то давно тебя не было, я хочу с тобой обсудить неважно что». И я уверен, что такие предложения поступали самым различным людям. В последний месяц он уже не мог это делать, ему было трудно даже использовать свой ноутбук. У него руки очень болели.

За последний год, когда он сильно страдал, он написали новую книгу — «Нерешенные задачи статистической физики и пятнадцать портретов». Он был очень настойчивый человек, и хотел эту книгу увидеть при жизни. Он обратился к издательству на факультете, которое печатает авторефераты и другие мелкие работы. Хотел, чтобы эту книгу напечатали именно таким способом, чтобы быстро. По этому поводу заседал Ученый совет, и члены Совета испугались, потому что в книге идет очень большая дискуссия с В. Л. Гинзбургом. Если вы почитаете книгу, вы это поймете. Они с Гинзбургом были заиклены друг на друге. Это очень интересное психологическое явление. Никто же не ниже, и не выше. На протяжении многих веков всегда были ученые противоположной направленности. И наш Ученый совет струсил, побоялся дать разрешение на публикацию.

Но сейчас решили отдельно издать, по крайней мере, часть книги, посвященную пятнадцати портретам. А что это за пятнадцать портретов? Эти люди, которые повлияли на его жизнь и на его научную судьбу. Там есть и В. С. Фурсов, и еще какие-то великие люди, но там есть и совершенно незнакомые фамилии, которые, может быть, только каким-то специалистам известны. И я надеюсь, что мы увидим эту книжку. Надеюсь также, что Зоина и Галина организация это тоже поддержит. Ведь сейчас все очень просто публиковать. А перед этим он написал еще одну книгу, которая уже переводится и представляет собой квинт-эссенцию этих трех его томов. Я, правда, ее еще не видел.

Продуктивность его работы была просто сногшибательной. Ведь он и сам работал, сам набирал. В его работах очень много сложных формул. Эти сложные формулы занимают иногда несколько страниц. Мне кажется, что там мало ошибок, насколько я разбираюсь в них. Конечно, у Юрия Львовича были и свои недостатки в изложении материала, что некоторых людей не могло удовлетворить. Особенно это касается его первых монографии, которые сразу переводились на английский язык. В них, например, трудно найти числовые оценки. Но он самовоспитывался. И вот, например, книжка «Статистическая физика»: в ней можно было найти и расчеты броуновского движения, и конкретные оценки распределений. В своей трилогии он уже потом все это развил.

Профессора Ю. М. Романовский, Ю. Л. Климонтович, В. Эбелинг

Вот это очень грустная фотография. Она была сделана год назад, в Берлине, осенью. Это Юра здесь сидит, и у него в руках третий том трилогии. Он привез два сигнальных экземпляра в Берлин. Это, повторяю, очень грустная фотография. Потому что она как бы перелом эпох. Юрий Львович был очень болен. Вернер Эбелинг о нем очень заботился. Юрий Львович лечился в известной клинике Шарите, главной Берлинской клинике. Она относится к Университету. Вернер буквально его туда водил. На следующий день, после того, как сделали эти фотографии, кабинет Вернера передали новому (временному) руководителю кафедры, потому что ему исполнилось шестьдесят пять лет. По этому поводу устроили большую торжественную конференцию. И все. Человек — никто. Так вот! Вернер ушел из кабинета. Кстати сказать, у него в кабинете была большая библиотека. Много и русских изданий. Эта библиотека была перенесена в другое место, а в бывшем кабинете В. Эбелинга сидит теперь совсем другой человек. Его фамилия — Соколов, тоже из ФИАНА, русский. Но он — человек временный, пока не окончательно решен вопрос нового руководителя кафедры. Еще раз хочу повторить, что для меня это фотография — рубеж эпох. Что-то закрылось, эпоха кончилась. Чтобы еще как-то характеризовать Юрий Львовича, скажу, что были люди, которые его очень уважали, ценили и любили. Именно — любили. Например, Федор Бункин, замечательный физик, Андрей Рухадзе, и многие другие. И я знаю со слов одного

человека, что Рухадзе на Всемирной конференции по теоретической физике в Триесте буквально сказал следующее: «Юрий Львович — это Больцман двадцатого века».

А теперь я скажу о некоторых спорных моментах той науки, которой занимался Юрий Львович, в том смысле, как я их понимаю, и о том, что его в ней волновало. Вы понимаете, что термодинамика и статистика открытых систем является совершенно новой областью науки. Она совершенно по-другому смотрится. Например, вы берете уравнения гидродинамики Новье-Стокса. Или то, что на любой конференции сейчас близко — уравнение «хищник–жертва» Вольтера. Вы эти уравнения исследуете, решаете и делаете с ними, что хотите, навешиваете много систем, параметров и т. д. А что Юрий Львович говорил?! В чем он меня воспитал. Он говорил «Господа! Эти уравнения для средних величин. Для каких-то функций распределения. В них обязательно должны быть флуктуационные члены, так как эти уравнения имеют дело с физически малым объемом, а не с точкой. В этом объеме должно быть много физических точек. А уж если говорить об уравнении хищник–жертва, если вы моделируете что-то с белыми медведями и там физический объем — километр на километр, так вы там белого медведя и не найдете». И он дал метод, как эти флуктуационные члены вводить.

У него были свои взгляды на то, что такое хаос. У Юрия Львовича были две книги по хаосу, одна — с Вернером, а другая была издана в издательстве «Наука» за одним автором. У него было точное представление о хаосе. Он говорил: «Ламинарное движение — самое беспорядочное движение, а турбулентное движение — это движение с самой высокой организацией». При таких словах люди лезли на стену. Как это может быть?! А на самом деле — это действительно так. Что такое ламинарное движение? При этом движении каждая молекула движется в тепловой флуктуации. И там есть единственная координата — профиль. А в турбулентном движении существует много осмысленных координат, очень интересных, помимо тепловых флуктуаций, которые там, безусловно, есть. Это уже и есть самоорганизация природы. Это касается галактик и т. д. Такой взгляд встречал сопротивление. Но он же не просто слова говорил, он давал критерии, он доказал «S-теорему». Например, как описать состояние генератора, который только должен возбудиться? Предположим, что он еще не перешел границу возбуждения, и там флуктуации очень сильно растут. И вот из одной флуктуации вырастает этот предельный цикл. Как эту систему рассматривать? Какие веса должны иметь эти координаты, и в каком направлении развиваются эти неравновесные системы? Он дал соответствующие теоремы, а его последователи — Вадим Анищенко, например, или мой аспирант Владислав Васильев — применяли их в других местах, например в медицине.

Ну что вам еще сказать про Юрия Львовича? В последнее время его волновало несколько проблем. Например, проблема сверхтекучести и сверхпроводимости. В последней книге про квантовую механику этой проблеме посвящена целая глава. Я боюсь наврать, но я понял так, что представление о «вечном токе» надо рассматривать как очень долгий переходный процесс, а это все опирается на его теорию фликкер шума. Юрий Львович считал, что есть очень много процессов в физике, где очень важно поведение спектра, который стремится к нулю бесконечно. Он очень четко и ясно понимал, что не существует такого генератора, у которого есть совершенно поразительно тонкая линия. Потому что у любого генератора есть время включения и выключения. Никогда нельзя исключить влияния внешнего мира.

И как подходить к квантовой механике с этой точки зрения — совершенно непонятно. Насколько я знаю, у Шредингера рассматривается консервативная система. Здесь есть очень много интересного, которое мало проанализировано людьми. Я Юрия Львовича всегда критиковал вот за что. Он говорил, что в уравнения Новье-Стокса необходимо включать случайные источники. Я с этим соглашался, но просил его определить, в каких конкретно задачах это нужно делать, потому что есть целый класс задач, где это не нужно делать. Где граница этих поправок? По этому вопросу некоторые его ученики пытались продвинуться, но сам он обычно шел дальше, не останавливаясь на этих вопросах, хотя и пытался приводить массу примеров, связанных с броуновским движением и со структурами генераторов. Если вы возьмете второй том монографии, то там эти задачи есть.

Что можно еще сказать? Я вообще рассматриваю человека как аналог Вселенной. Тем более, такой человек, как Юрий Львович. Это целая Вселенная, которая вмещает в себя и историю того, что было, и то, как устроен мир, и как мы с вами устроены. В нем все это вмещалось. Вселенная, конечно, неисчерпаема, огромна, но она без души, она не может даже предсказать своего будущего. А Юрий Львович представлял собой такое море, такую Вселенную, из которой следовало, что может случиться и в природе, и со всеми нами. Он очень много интересовался общественными вопросами. При этом он никогда не был партийным человеком. Он никогда не был злопыхателем. Он очень мобильно подходил ко всем событиям социальной жизни.

Но я больше говорить не буду, надеюсь, что здесь найдутся люди, которые еще что-нибудь скажут. Только замечу, что он очень любил природу, любил уезжать на дальние острова. Галину женскую организацию он очень любил и поддерживал, и всегда был желанным гостем на всех конференциях. Ведь он был очень компанейским и демократичным человеком, вообще любил компании, туристские походы. Мог спорить до одурения до трех часов ночи. Водочку любил выпить. Даже до самого последнего времени. У него дома стопочки были в виде хрустальных сапожков.

Юрий Львович всегда читал физику на мехмате. Причем там было довольно много часов. И он читал полный курс статфизики. Много лет прокатывал этот курс. А на физфак он тоже хотел выйти со статфизикой. Но ему не давали. Была конкуренция за часы, и читать не давали.

Когда Сергей Павлович Стрелков умер, к нам пришел Ахманов с большой командой. И стала это большая кафедра, к тому же выпускающая. Когда умер ректор МГУ Рем Викторович Хохлов, С. Ахманова поставили заведующим над всеми кафедрами, получился огромный конгломерат, из которого вылез маленький коллектив с Леонидом Келдышем во главе. Стала кафедра квантовой электроники. Она сейчас маленькая. А наша кафедра называется — кафедра общей физики и волновых процессов. Мы в год выпускаем 35–40 человек. Юрий Львович работал на нашей кафедре до 89 года. У него были конфликты с Ахмановым. Ахманов был очень своеобразным человеком, безусловно, талантливым. Стратановича он считал гением, а Климонтовича просто не терпел. И Юрий Львович спокойно ушел на кафедру низких температур. Там ему ректор дал лабораторию синергетики, и он там существовал. Он очень много ездил по свету, и для него это было очень важно. А у нас на кафедре была большая педагогическая нагрузка, и Ахманов все время заводился, что Юрий Львович хотел часто уезжать. С 1955 года до 1989 года он работал на одной кафедре, но жизнь закончил на кафедре низких температур, где он читал курс «Открытые системы». Но читал не регулярно. А общие курсы Юрий Львович последние годы не читал.

Галина Юрьевна Ризниченко:

Юрий Львович был крупным ученым в классическом смысле этого слова. Он все время думал о кардинальных проблемах термодинамики, устойчивости, организации материи. При этом Юрий Львович никогда не занимался общественной деятельностью, интригами, честолюбивыми продвижениями. Он не представлялся на премии, не подавал на гранты, ничего такого не делал. Юрий Львович был и Соросовским, и Гумбольдтовским профессором, но его представляли на эти звания его друзья и ученики. Например, Гумбольдтовским профессором он стал благодаря представлению профессора Вернера Эбелинга. Хотя Юрий Львович занимался чистой наукой, но имел очень большой интерес к людям, относился к ним по-человечески. Я его знаю очень давно, я училась на кафедре, где работали и Юрий Львович, и Юрий Михайлович, и Стратанович, и Наталья Вячеславовна Степанова, которая — вместе с Ю. М. Романовским и Д. С. Чернавским — была автором знаменитых книг по математической биологии.

Юрий Львович и у нас вел семинар, на котором заслушивались студенческие работы. Он вел этот семинар на 4 курсе. Обычно там заслушивались курсовые работы. Он всегда задавал

вопросы и вообще вел семинары чрезвычайно доброжелательно. И с интересом к любым совершенно новым проблемам. Мы немного над ним смеялись и называли его молодым Карлом Марксом. Он был с черной бородой. И напоминал Карла Маркса. У нас был экзамен по статистической физике, как раз Кукин у нас принимал экзамен. Я сдала экзамен и подаю зачетку, а лектор у меня спрашивает: «У Вас подпись Климонтовича, что же он у вас ведет?» Я отвечаю, что он ведет семинар для студентов. Кукин был очень удивлен. Он уже тогда, конечно, понимал, что Климонтович — великий ученый. Неужели он ведет у нас семинар, возится со студенческими работами, тратит свое время? У нас была очень хорошая кафедра.

По окончании кафедры я сразу ушла работать на биологически факультет. На кафедру биофизики, где и проработала вся жизнь. Но как-то остались теплые дружеские отношения со всеми членами выпускающей кафедры. Когда я училась, заведующим кафедрой был Сергей Павлович Стрелков. Он был исключительно теплым человеком, вообще и к нему, и к любому сотруднику кафедры можно было обратиться с любым, даже житейским вопросом. Мы по молодости и не считали их особо великими людьми. Мы, скорее всего, думали, что в Московском университете и должны преподавать великие люди.

В последующие годы я часто встречала Юрия Львовича, слушала его доклады и разговаривала с ним о самых разных научных и человеческих проблемах. Он всегда принимал участие в деятельности нашей Ассоциации и в ее конференциях. Кстати, именно Юрий Львович предложил провести первую Суздальскую конференцию, которая была летом 1995 года. Он был сопредседателем Оргкомитета. Другими сопредседателями были Ю. М. Романовский и Г. Т. Гурия. Так что нас было четыре сопредседателя. Очень хорошо помню, как мы с Юрием Львовичем вдвоем в сквере на лавочке перед физфаком составляли списки ученых, российских и иностранных, которых надо было пригласить. Тогда к нам приехало много иностранных ученых, и конференция прошла на очень высоком уровне в большой мере благодаря авторитету Юрия Львовича. И название конференции придумал Юрий Львович: «Критерии самоорганизации (в физических, химических и биологических системах)». Так что наши Суздальские конференции — его детище.

Георгий Теодорович Гурия:

Вспоминая сегодня Юрия Львовича, я думаю, что мой взгляд на него имеет глубоко личный, субъективный характер. И у меня, поверьте, нет никакого желания казаться объективным. Стремиться к этому, на мой взгляд, значит — грешить против истины. Поэтому мне хотелось бы заранее извиниться перед слушателями за то, что о некоторых своих личных обстоятельствах, связанных со встречами с Юрием Львовичем, я буду вынужден рассказывать подробнее, чем, может быть, следовало бы.

По молодости нас воспитывали так, что все люди, пока речь идет об обсуждении научных проблем, как бы равнокалиберные, одного уровня, что ли. Казалось, что никто из моих сверстников, будучи студентами, не разделял точки зрения, что только в силу своего возраста и большего жизненного опыта кто-либо может иметь более авторитетную точку зрения, чем ты сам. Важны только аргументы и факты, а не «мнения авторитетов». Мне не единожды приходилось убеждаться впоследствии, что в реальности все обстоит иначе. И часто точка зрения тех, кто сильно младше, вообще никого не интересует. Удивительно, но в общении с Юрием Львовичем, о чем бы речь ни шла, я никогда не чувствовал нашей разницы в возрасте.

Поскольку я принадлежал к другому поколению, мне долгое время приходилось встречаться с Ю. Л. Климонтовичем на конференциях и семинарах, на которых он делал доклады, а я был в числе слушателей. И у меня с начала 80-х сложилось твердое убеждение, что «он что-то недоговаривает». Со стороны казалось, что за приводимыми им математическими выкладками стоит какая-то скрытая целостная система взглядов, отличная от принятой. Бросалось в глаза и то, что его самого несколько не смущает, что его точка зрения расходится с излагаемой в известных руководствах по теоретической физике.

Впервые шанс сколько-нибудь подробно поговорить о развиваемых Юрием Львовичем идеях представился мне в 1993 году. Случилось так, что мы с присутствующим в этом зале сегодня Юрием Михайловичем Романовским и Ю. Л. Климонтовичем оказались приглашенными в качестве докладчиков на конференцию в Польшу. Стоял сентябрь 1993 года, организаторы из института физической химии Польской академии наук сделали все для того, чтобы гости чувствовали себя как «в старое доброе время». В небольшом пригороде Варшавы был арендован пансионат человек на сорок. В нем мы жили и в нем же проводились наши научные штудии. Программа была рассчитана дней на десять–двенадцать. В первой половине дня — доклады и их обсуждение, а во второй — прогулки и беседы на природе о «том же самом и обо всем прочем». Теплое бабье лето, полное безветрие и тишина. Гостеприимство и ненавязчивость хозяев, нежесткая программа располагали к тому, чтобы каждый говорил о своем, о сокровенном. В эту «Болдинскую осень» и довелось мне услышать массу интересного.

В аудиториях и на природе обсуждалось много научных вопросов. Хочу обратить ваше внимание на то, что Юрий Львович совершенно спокойно обсуждал самые «проклятые» старые вопросы физики — обратимость и необратимость процессов, направление эволюции разных систем, то ли в сторону увеличения энтропии, то ли в сторону упорядоченности, сложность систем. По всем этим вопросам есть много точек зрения, по ним высказывались такие великие по общему мнению ученые, как Колмогоров, Винер, Больцман, Боголюбов. Поражало то, что у Юрия Львовича всегда была своя оригинальная «равновеликая» точка зрения. Причем его точка зрения в первый момент ошарашивала. Она казалась абсолютно экзотичной, если не сказать больше. Потом, когда начинаешь к ней привыкать, выясняется, что в ней имеется своя логика, причем в каком-то смысле — убойная. Степень «непотопляемости» аргументов Юрия Львовича проверялась нашими долгими беседами во время прогулок. Система взглядов на суть статистических проблем у него действительно была. Подкупала не только своеобразная «глыбостная» манера видеть предметы и обсуждаемые вопросы в укрупненном масштабе, но и невозмутимость, несуетность и простота Юрия Львовича.

Было видно, что Юрию Львовичу приятно видеть, что и мне традиционно излагаемая в учебниках точка зрения кажется не вполне удовлетворительной. А объявление некоторого круга вопросов «табуированными» — явным признаком слабости научных аргументов. Мне, со своей стороны, было ясно, что Климонтович имеет свою «линейно независимую» точку зрения, и хотя ее внутренняя полнота и непротиворечивость не казались мне самоочевидными, хотелось уяснить ее суть. Особенно импонировали мне спокойствие и методичность, с которыми Юрий Львович обсуждал «неявные» допущения, лежащие в основе традиционных процедур «усреднения». И без его слов многое «висело в воздухе», а после них становилось ясно, что дальше закрывать глаза на эти «дыры» можно только сильно того желая.

Научная программа Ю. Л. Климонтовича, излагаемая им нам во время польской конференции, содержала в своей мотивационной части критику, но не исчерпывалась ею. Она включала в себя и совокупность позитивных положений и идей, которые сегодня принято группировать вокруг так называемой «S-теоремы». Судьбе было угодно, чтобы публикация этих идей в развернутом виде встретила, мягко говоря, ряд затруднений. И только с выходом известного трехтомника из печати они стали общедоступны для широкой научной публики. Убежден, что время расставит все на свои места. Смысл, как известно, постигается *a posteriori*.

Теперь, вспоминая Юрия Львовича, мне хочется сказать несколько слов о необычных обстоятельствах нашей первой встречи. В 1980 году, летом, на русском языке вышла книга Г. Хакена «Синергетика». Ее выход ожидался, она была анонсирована в каталоге издательства «Мир», и казалось, что она сразу же привлечет внимание научной общественности, особенно молодежи. Надо сказать, что в английском варианте книга была мне доступна с 1978 года. Один экземпляр книги был у моего шефа, М. В. Волькенштейна. Но выход рус-

ского издания стал для меня подлинным открытием. Как много всего, идейно важного, ускользнуло от моего внимания прежде! В далеком южном городе в тени огромного инжира я все лето читал с карандашом в руках книгу Г. Хакена и думал, что, придя первого сентября в аспирантуру, буду ее обсуждать со всеми.

Но учебный год начался, а никто, кроме самых близких коллег по лаборатории, Б. Н. Белинцева и М. А. Лившица, не спешил обсуждать книгу. По крайней мере со мной. Никаких семинаров, никаких докладов. И вот как-то уже в феврале 1981-го, находясь в теоретическом отделе ФИАНа, где должен был состояться семинар Д. С. Чернавского, вижу: семинар отменен, написано: «Все уехали на Школу в Горький!» Гляжу, на доске объявлений повестка дня горьковской Школы по нелинейным волнам и там первый доклад — Б. Б. Кадомцева и Ю. А. Данилова — посвящен проблемам синергетики. А Школа должна была начаться уже завтра. Первая мысль, почему я здесь, а все там! Я несусь в общежитие, хватаю портфель, еду на вокзал, наутро приезжаю в Горький. Еду в университет, там меня отправляют еще дальше, на Ветлужскую (а это то ли 8, то ли 10 часов езды на поезде). Не без приключений добираюсь на Школу.

И вот настал долгожданный день доклада. Зал полон, докладывает Борис Борисович Кадомцев, он осторожно говорит, что появилась такая новая научная дисциплина. Что вот, видите ли, ко многим критическим явлениям применимы методы теории возмущений и разложений по масштабам. Что, строя огрубленное описание в окрестности критических точек, никуда не денешься от процедур усреднения, что проектирование на критические моды можно производить и в не интегрируемых системах и т. д. Но как-то весьма осторожно говорит, хотя он, как было известно всем присутствующим, всячески содействовал выходу книги Г. Хакена на русский язык. Те, кто постарше, помнят, что в то время издание переводных книг вообще и книг проблемного междисциплинарного характера в особенности шло не всегда гладко. Помимо бюрократической и идеологической оппозиции часто бывала и научная оппозиция.

Перевод был выполнен под редакцией Ю. Л. Климонтовича, но доклад делал Б. Б. Кадомцев. Было видно, что он как-то не очень тверд в своих высказываниях. Затем на трибуну стремительно выскакивает Яков Борис Зельдович и начинает говорить, что он и его коллеги (один из которых в это время находился в Горьком в ссылке) много занимались взрывами, кумулятивными эффектами, затопленными струями и отрывными течениями, то есть «знают массу систем, в которых наблюдаются кооперативные эффекты». Ни понятие бифуркации, ни понятие «показатели Ляпунова», ни все другие, о которых сегодня он слышал в докладе уважаемого Б. Б. Кадомцева, не являются новыми. Откуда возникла необходимость говорить о какой-то новой науке — синергетике?

Было ясно, что Зельдович не испытывает никакого энтузиазма по поводу новой дисциплины. И уже сходя со сцены, он заметил, что его соображения навеяны самим докладом, книги он не читал. Но из доклада не понял, в чем тут дело. Потом выходят второй, третий, четвертый, пятый ораторы и все говорят примерно одно и то же. Что шуму вокруг термина «синергетика» много, но трудно разобрать, в чем новизна подхода и почему старые, идущие от Л. И. Мандельштама и А. А. Андропова, термины «теория колебаний и волн» следует отбросить, а вместо них использовать другие, так ли уж это необходимо. Все выступающие корректны в том смысле, что честно говорят, что книгу — не читали, но, слушая доклад, не услышали ответов на свои недоуменные вопросы.

Б. Б. Кадомцев просит Юлия Александровича Данилова пояснить аудитории достоинства развиваемого в книге Г. Хакена подхода. Выходит на трибуну Ю. А. Данилов. Зал затихает. Он говорит, что достоинством книги является универсальность в трактовке весьма широкого круга коллективных явлений в рамках целостного подхода. Зал постепенно начинает опять шуметь, слушают плохо и, наконец, выходит Григорий Исаакович Баренблатт. Уже потом я узнал его имя и то, что он один из учеников А. Н. Колмогорова. Он вообще камня на камне не оставил. Его резкость в суждениях, простота и ясность

примеров, лихость и изящество в форме подачи мыслей завораживают зал. И, уже кончая свою речь, он заметил, как бы извиняясь перед Даниловым и Кадомцевым: «Я честно скажу, книги не читал, но и того, что мы здесь слышали, достаточно, чтобы судить о том, с чем мы имеем дело».

Только закончил Г. И. Баренблатт, выходит Л. П. Питаевский, соавтор последнего X-го тома: «Физическая кинетика» курса Л. Д. Ландау и Е. М. Лившица. Все продолжается, говорит о том, что у всякой науки есть свойственные ей методы. Скажем, хирургия — наука, так как основана на использовании специфических методов рассечения тканей и их соединения. А вот по поводу синергетики этого сказать нельзя. Сам он книгу, как и предыдущие ораторы, не читал, но признать за синергетикой право на существование только на том основании, что в рамках этой дисциплины решаются дифференциальные уравнения, считает неверным. Возникла короткая полемика о том, идет ли речь об обыкновенных дифференциальных уравнениях или об уравнениях в частных производных. Ю. А. Данилов пояснил, что к чему.

Для меня все происходящее в тот момент было как гром среди ясного неба. Было видно, что ни Кадомцев, ни Данилов, в силу интеллигентности или по каким-то иным причинам, не желают хлестко ответить своим оппонентам. Председательствующий, М. И. Рабинович, берет слово и, подводя общий итог, резюмирует, что картина в целом ясна. Синергетика, по-видимому, понятие чисто лингвистическое, в своей содержательной части совпадающее с давно принятым у нас термином «теория колебаний и волн». Так что нет оснований думать, что в области нелинейных исследований мы нечто крупное «проморгали». Наступила пауза. Осматривая зал, председательствующий дружелюбно спросил: «Есть ли еще желающие выступить?»

Повисла тишина. Казалось, что в аудитории достигнута полная синхронизация. И в этот момент я увидел, что моя рука предательски взметнулась вверх. Председатель роняет: «Вот тут молодой человек хочет что-то сказать. Прошу Вас!» Поднимаюсь на сцену. Зал полон, человек двести пятьдесят. Пока не наступает полная тишина, не начинаю говорить. Слышу свой голос: «В отличие от предыдущих ораторов, выступавших в дискуссии, я книгу Г. Хакена внимательно читал!» Наступила гробовая тишина.

Говорю еще минут пять. Отмечаю бесспорную заслугу Г. Хакена в том, что «он дал себе труд обратиться к „грязным“ дисциплинам, таким как биология, социология, психология, в которых нет малых параметров. Да и вообще не всегда возможно отделить параметры от переменных!» И главная из его заслуг, на мой взгляд, в том, что он осознал возможность расширительного использования аппарата теории нелинейных критических явлений далеко за рамками традиционной естественнонаучной проблематики.

Но эти слова были не важны. Важно было, как я теперь понимаю, что я встал против большинства, на стороне тех, кто «пробивал» издание книги и кто отстаивал свою правоту с трибуны*. Не помню, как я сошел со сцены. Но до сих пор помню, что шел на ватных ногах к своему месту в конце зала.

Реплика Г. Ю. Ризниченко: «Гера, а про Юрия Львовича?»

Да, именно в этот момент я и познакомился с Юрием Львовичем. К сцене вышел какой-то крепкого телосложения «мужик». Без бороды. Все взгляды устремились на него. А он в наступившей тишине произнес, как отрезал: «Я предлагаю сегодня разойтись, а синергетику воспринимать как лозунг». Все насторожились. Он, разъясняя, повторил еще раз: «Давайте воспринимать синергетику как лозунг, скажем, как „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“»

Не нужно говорить, что в то время это был сильный лозунг. На такое неожиданное сравнение мог решиться сильный, уверенный в своей правоте человек. Этим человеком был Юрий Львович! Именно он поставил вескую точку в той исторической дискуссии, когда в

* События, предшествующие обсуждению на Школе проблем Синергетики, подробно описаны в статье Г. И. Баренблатта в мемориальной книге, посвященной памяти М. А. Леонтовича.

силу многих причин за синергетикой могла с самого начала закрепиться дурная слава, так дорого стоившая отечественной генетике и кибернетике. После его слов возникала длинная пауза. Спорить с Климонтовичем желающих не нашлось. По всему было видно, что книгу он читал и мог еще «добавить от себя», так что «мало не покажется». Так я познакомился с человеком, под чьей редакцией был выполнен перевод книги Г. Хакена.

По приезде из Горького выяснилось, что в Москве пошла куча семинаров по синергетике. Наверно, не было такого академического НИИ, в котором бы не прошло пары семинаров на данную тему. Табу с этого слова было как-то негласно снято. Джинн вышел из бутылки, и всем захотелось прочесть ставшую знаменитой книгу. И оказалось, что изложенное в ней не такая уж чушь. Дело в некотором смысле закончилось проведением в 1982 году первой в СССР Таллинской конференции по синергетике, в которой принял участие и сам автор книги, Г. Хакен. После чего в Москве в МГУ был организован научный междисциплинарный семинар «Синергетика», в оргбюро которого ведущую роль играл Ю. Л. Климонтович. Этот семинар, как известно присутствующим, сыграл выдающуюся роль в развитии научных исследований в этой области. Он продолжал действовать под руководством Юрия Львовича и Ю. А. Данилова все «новое смутное время» и продолжает действовать до сих пор.

Возвращаясь к горьковской Школе 1981 г., хочется заметить, что поставленная Ю. Л. Климонтовичем точка в открытой полемике перевела обсуждение в кулуары. Но оказалось, что и там доводы сторонников правомочности новой дисциплины не так-то легко поколебать. Примечательно, что и в дальнейшем на моих глазах Юрию Львовичу удавалось ставить точки в некоторых сложных дискуссиях. Когда уже казалось, что ситуация может вот-вот выйти из-под контроля и перейти, например, в «базарную» плоскость. Он, безусловно, имел особый дар в нужном месте и в нужное время ставить точку. Поражало то, что он умел делать это и в ситуациях, когда определенно принимал какую-то одну сторону, и в ситуациях, когда, оставаясь при особом мнении, фиксировал сам факт разногласий по какой-либо проблеме.

Прошло много времени после этой знаменитой конференции, и в 93 году, когда мы познакомились уже более тесно, оказалось, что он не только человек с очень широким взглядом на мир, но и человек, способный азартно играть на бильярде, и очень здорово. Признаюсь, я не думал, что среди ученых такого ранга кто-то может так блестяще играть. Он интересовался и многими предметами из области биологии, причем «сущностно». Полагаю, что он один из немногих современных ученых, кто систематически интересовался онтологическими аспектами физики и не стыдился этого. То есть, не процедурами и описаниями, а сущностью. Что значит то или иное явление по своему содержанию. С этих позиций обсуждались самые разные предметы и явления. В том числе, у нас была очень большая дискуссия о книжке Николая Сергеевича Крылова: «Работы по обоснованию статистической физики». Крылов был учеником Фока и рано умер.

Юрий Львович высоко ценил книгу и знал много неизвестных мне вещей, оставшихся за кадром. Знал ли он эти «теоремы» от самого Крылова, был ли это научный фольклор или его собственные результаты, спрашивать было неудобно.

Безусловно, он полагал, что за всем аппаратом математических моделей должны стоять общие физические принципы. Основные принципы далеких от равновесия систем должны быть выстраданы и сформулированы. Они должны носить характер неравенств. Это должны быть оценки типа критериев. Что-то должно быть больше или равно, что-то меньше и т. д. Юрий Львович легко и просто обсуждал эти вещи, очень демократично.

Когда мы вернулись из Польши осенью 93 года, — а вы помните, какая тогда была обстановка — факультативные спецкурсы на физфаке для студентов практически никто не читал. Встречавшая каждого входящего огромная доска объявлений о семинарах опустела. Юрий Львович был из тех, кто не пал духом. К тому, что он читал лекции на одной из кафедр (по-моему, кафедре низких температур), он дополнительно решил провести со студентами цикл семинаров по «нелинейным» проблемам. Огромный прежде список спецкурсов и семинаров в те годы, помнится, сжался. По теме, о которой идет речь в университете, кроме

Ю. Л. Климонтовича, читал спецкурс — Ю. А. Данилов, ваш покорный слуга и еще кто-то. Причем Ю. А. Данилов читал «Нелинейную динамику» на химфаке.

Ю. Л. Климонтович читал постоянный курс на кафедре низких температур. И так случилось, что мы с ним очень часто встречались то на лестнице, то в аудитории, один заканчивал, другой начинал. Он приходит, а я выхожу, или наоборот. И он каждый раз говорил «О, идемте!» Там на втором этаже было небольшое кафе, а может быть, это заведение в то время назвалось кафетерий. И он заводил меня туда и рассказывал разные вещи, спрашивал мнение по их поводу. Его интересовало мое мнение не как вычислителя, а, как говорит Галина Юрьевна, «на вскидку», с общефизических позиций. Например, он спрашивал: «А вот это (далее обычно шел вопрос о сопряжении-сращивании эффектов разных масштабов) куда лезет?» Я отвечаю: «Это — в греческую мифологию». Он мне: «Вы действительно так думаете? Значит, никуда не лезет. Ну, ничего, будем пытаться второй раз это сделать иначе!»

Бывало еще так. Мы разговариваем о каком-нибудь очень далеком от его «служебных» научных интересов и «старом» предмете, давным-давно вышедшем из «научной моды», в это время подходит сотрудник физфака, который его очень хорошо знает и хочет поговорить о более злободневных вещах, о вчерашнем Ученом совете, или еще о чем-нибудь. И Юрий Львович ему отвечает, и ты видишь, как сквозь один разговор проходит какой-то другой. Как сквозь одни слова проходят другие. Меня поражало то, что «сечение рассеяния» было нулевое. То есть, практически нет никакого зацепления. Он спокойно отвечает своему коллеге и продолжает разговаривать со мной. То есть, наша тема не выгружается из его оперативной памяти. При разговоре с этим сотрудником он продолжал все время размышлять и разговаривать со мной. В таких ситуациях иногда я пытался делать какие-то паузы, или пытался откланяться. Мне было неловко. Я видел, что передо мной люди одного возраста, им надо что-то обсудить, они хорошо знакомы. Ничего подобного, он меня не отпускал. Иногда я даже опаздывал на свою лекцию, впрочем, об этом не жалел ни тогда, ни позже.

В некотором роде я считаю себя виноватым перед Юрием Львовичем. Когда вышла первая часть трехтомника, он, видимо, ждал моей реакции, ведь там многое из того, о чем мы беседовали. А у меня что-то «не пошло» связное чтение, да и каждодневные проблемы придавили, так что все время вспоминалось его знаменитое: «А ты не подкладывайся!» По каким-то моим невпопад сказанным репликам он понял это. Прошло несколько лет, и вдруг он меня спрашивает, защитил ли я диссертацию. Я ему ответил утвердительно, а он мне — с иронией: «Слава Богу! Теперь у Вас найдется время прочитать мои книги». Сейчас, готовясь к этому выступлению, я перечитал его «Введение в физику открытых систем». Конечно, страшно жаль, что уже нет возможности спросить автора, почему он в одном месте пишет так, а в другом иначе. Почему внешний масштаб всегда есть, а внутренний — нет. Он ушел. А мы остались со своей «нормой хаотичности» и памятью о нем. Большом мыслителе и ученом.

Последний раз я встретил Юрия Львовича в октябре 2002 года у дверей нашего Гематологического научного центра РАМН. А надо сказать, что он всегда был внешне настолько бодр и свеж, что мне казалось, что он только что прошел, как говорят лыжники, «полтинник», снял варежки, и весь полон этим чувством преодоления. Я его спрашиваю: «Что Вы тут делаете?», а он отвечает: «Да Вы знаете, мне тут Н. Шкловский сказал, что мы должны с Е. Либерманом пойти к какому-то врачу». И называет фамилию.

Мы простояли около часа у проходной. Я предложил ему проводить его к врачу, но он не сразу согласился. В конечном итоге, пошли к этому врачу и по дороге встретили Е. Либермана. Он ждал в другом месте. Чем закончился их визит, я не узнал, но, спустя какое-то время, ему перезвонил и посоветовал показаться еще другому врачу. Очень жалею, что не настоял. Среди врачей тоже существуют разновеликие люди — и по массе, и по другим критериям. Казалось, что среди моих знакомых специалистов был один врач, который мог бы ему помочь. Но, увы, не хватило моего «крутящего момента»! Правда, пути Господни неисповедимы. Может быть, я и ошибаюсь. Но повлиять на его мнение относительно его

здоровья я не сумел. Говорят, так часто бывает с такими крупными личностями, как Юрий Львович. У них свои взгляды на вопросы жизни и смерти, и т. д. Какое-то по-своему исключительно гармоничное восприятие всего.

Иногда в моих разговорах с ним проскальзывали пессимистические ноты относительно будущего человечества, науки, современной жизни, образования в стране и на факультете. Он же мне отвечал: «Какие проблемы! У России вообще нет проблем. Во все времена было трудно. 18-й год, 25-й или после войны — что, сейчас труднее, чем тогда?» Действительно, все относительно. Сейчас никаких проблем нет, только денег нет. Да и — разве это проблема. Это как-то очень сильно успокаивает. Юрий Львович обладал очень интересным чувством юмора и большой благожелательностью. Именно к молодежи. Мне доводилось несколько раз выступать на семинарах по синергетике, проводимых под его руководством. И его корректирующие вопросы и замечания были всегда вовремя поданы, в нужное время и невероятно к месту. Или мне так казалось?

Безусловно, его работы будут жить долго. Они переживут наше поколение, и будущее, и к ним будут возвращаться. Потому что в них спрессованы мысли, которые были высказаны «несмотря на». Мы знаем его полемику и с истеблишментом физического сообщества и т. д. Мне кажется, одна из его главных мыслей восходит к Платону и его античным последователям. К тому времени, когда формировалась античная эстетика, в рамках которой и по сей день развивается современное рациональное знание, Ю. Л. Климонтович был тем человеком, который показал, что *идеальные понятия*, с которыми мы работаем, например, «плоскость», «прямая», «абсолютно гладкая поверхность», дифференцируемые функции, «ансамбль», — не абсолютны, они имеют естественные пределы применимости. Они работают — корректно отражают реальность — в неких областях управляющих параметров, ограниченных бифуркационными линиями, а за этими областями они превращаются в фикции, перестают быть релевантными. Само собой, всплывают мотивы критики Аристотелем использования отвлеченных понятий как элементов, адекватных реальности.

В тех случаях, когда мы мысленно используем понятия за пределами их «устойчивой соотносимости» с реальностью, наши мысленные конструкции эфемерны, содержат в себе внутренние фантомы (как бы сверхидеальные). По Климонтовичу, в таких ситуациях исследователи недостаточно полно учитывают факторы, в том числе флуктуационные, которые перестают быть малыми за границами естественных областей стабильности. Недоучет такого рода факторов, в том числе факторов, отражающих диссипативные процессы, формально приводит к необходимости оперировать с актуальными бесконечностями. По Юрию Львовичу, наличие в формализме бесконечностей всегда есть результат *гиперидеализации* рассматриваемой системы, результат попытки рассмотреть предмет вне естественного контекста, но в априори заданной стилистике. При более реалистичном описании, как правило, несложно выявить неучтенные каналы межмодовых взаимодействий, ответственные за нелинейную лимитацию критических характеристик в реальности.

Надо сказать, что сам по себе спор о том, определяет ли содержание форму (в том числе стилистическую) или же форма выражения чего-либо, скажем, сам по себе математический аппарат, определяет существо дела (по сути, содержание), является очень старым. Идет с античности. Юрий Львович Климонтович имел мужество в новое время встать на отвергнутую «архаическую точку зрения», полагая, что дело мастера найти те формы, которые позволят раскрыть содержание. Вне сомнения, он считал форму вторичной. Связанной, к тому же, с точкой зрения наблюдателя на предмет.

В заключение хочу сказать, что в далеком уже 1995 году мне выпала честь вместе с Юрием Львовичем и присутствующими сегодня в зале Г. Ю. Ризниченко и Ю. М. Романовским выступить сопредседателем Суздальской конференции, которая называлась «Критерии самоорганизации». Галина Юрьевна уже об этом говорила, но я все-таки еще повторю. В центре внимания той конференции были проблемы, поднятые Юрием Львовичем. Конференция имела большой научный резонанс. Она привлекла многих ученых. Обсуждавшиеся на ней идеи

получили дальнейшее развитие. Хочется верить, что в будущем нам доведется еще быть свидетелями новых научных достижений, основанных на идеях Ю. Л. Климонтовича.

Людмила Владимировна Якушевич:

Такой у нас разговор, что промолчать невозможно. Хотя мое знакомство с Юрием Львовичем состояло всего из нескольких встреч. Первый раз мы увиделись с ним на конференции, которая проходила здесь, в Пущино. Очень большая конференция, посвященная автоволнам. Тогда была задействована вся лаборатория. Моими обязанностями было — выдавать радионаушники. Юрий Львович их взял, немного со мной поговорил, так, вообще. Вот я сидела здесь в холле и занималась своим делом. Он еще раз ко мне подошел, сказал какие-то поддерживающие слова, что, само по себе, — всегда приятно. Он очень выделялся из общей толпы. Вот перед нами сейчас его фотография. Но мне она, честно, не очень нравится. Его отличали, со одной стороны, большая доброжелательность, с другой стороны, — очень острый взгляд. На фотографии взгляд какой-то, не знаю, как выразиться, абстрактный, что ли. А ведь первое, что обращало на себя внимание, — это его глаза. Такие живые, ясные, внимательные, даже цепкие. Из них всегда будто лился свет, и это сразу его выделяло, сколько бы людей вокруг ни было. Для нас, для представителей более молодого поколения, как уже говорила Галя, он всегда был человеком более высоких сфер. Мы не решались к нему приближаться, что-то у него сами вдруг спросить. Но он, наверное, чувствовал. И сам подходил.

Потом мы с ним общались и на пароходе, была такая конференция, и на банкетах. Но всегда вокруг него была такая аура, что я так и не отважилась по собственной инициативе к нему подходить. В другую категорию моих знакомых он перешел совершенно неожиданно. И это было связано с его болезнью. Вдруг я узнаю, что он оказался в очень тяжелой ситуации. Ему должны были делать операцию. И из разговоров пущинцев я понимаю, что ему хорошо было бы что-нибудь передать в больницу. Посещать его нельзя было, а передать что-то — можно. Например, хороший словарь, книгу или еще что-нибудь. Я очень долго над этим думала, и решила передать ему рисунок. Я ходила в это время в изостудию, у меня был такой творческий подъем, все так хорошо шло. И я передала ему рисунок яблони, которая только собиралась еще зацвести. Мне самой этот рисунок очень нравился, и мне казалось, что в нем можно увидеть много хорошего, поднимающего настроение. Философского, жизненного. Эта яблоня должна была его настроить на хороший лад. И потом — это такая вещь, которую разрешат держать в больнице. Я решила: пусть она там у него постоит в палате.

Какое-то время ничего не было известно, как Юрий Львович, а потом вдруг — звонок от друзей. Что Юрий Львович уже дома и очень приглашает зайти в гости. Потом звонила его жена. Я по какому-то поводу была в Москве, оставила специально немного времени (мы же всегда торопимся обратно в Пущино, связаны автобусом) и решила его посетить. И сразу окунулась в атмосферу замечательной семьи. Мне очень понравилась его жена, которая приготовила необыкновенно вкусные вещи. Как все пущинцы в Москве, я была очень голодной и усталой, измятой, пропахнувшей автобусом, укаченной. Но мы замечательно провели время. И перед тем, как мне надо уходить, он предложил показать мне свой кабинет. И я вдруг вижу, что на стене, под стеклом, висит мой рисунок. Он специально привел меня в свой кабинет, чтобы показать, что мой рисунок висит у него перед глазами. И еще он сказал, что этот рисунок его очень поддержал в больнице. Не знаю, правда это или нет. Но он так сказал.

И после этой встречи наши отношения резко перешли в совершенно другую плоскость. Он меня еще много раз приглашал, но, к сожалению, у меня как-то не получилось больше навестить его дома, чтобы еще раз почувствовать эту атмосферу: его дома, семьи, культуры, которой все там было пропитано. Мы встречались только на конференциях. Это были разные города. Разные конференции, разные ситуации, были и телефонные звонки, и совершенно случайные встречи. Однажды я села в 34 троллейбус, который ходит от Юго-Западной до Университета, и встретила Юрия Львовича. Мы ехали, разговаривали, он мне тут же подарил свою книжку. У него случайно оказалось несколько экземпляров.

Вот такие вот случайные, редкие встречи. Но я всегда ощущала его присутствие и всегда осознавала, что я всегда могу на него опереться в трудную минуту. И однажды такая минута настала. У меня была очень сложная ситуация в институте. Время было такое, и он действительно мне помог. Я тогда написала книжку. И попросила Юрия Львовича быть редактором. Он сразу сказал, что с удовольствием это сделает. Сказал, что счастлив, что я созрела для книжки. Книжку мою он прочитал и стал, хотя ужасно был, как всегда, занят, редактором этой первой моей книжки. И сейчас, когда я беру эту книжку, я всегда помню, как это было, и очень благодарна Юрию Львовичу.

Здесь замечательно было сказано, что он, безусловно, был сильной, цельной личностью. Он был смелый человек. На конференциях, в кулуарах всегда долго обсуждалось, что вот, хочется его пригласить. А вдруг там возникнет, ну, ситуация, для него некомфортная? Но он умел быть доброжелательным при всех ситуациях. Вокруг него мгновенно возникала творческая атмосфера, когда делаешься и умнее, и лучше. Юрий Львович всегда делился своими идеями, давал читать свои статьи. Спрашивал — какое Ваше мнение, какие замечания, что Вы скажите по этому поводу. Но бывали случаи, и я знала это изнутри, что в журнале, например, искали способ не допустить к печати его статью. Ведь его идеи далеко не все понимали. Он работал над слишком серьезными вопросами. Мы же знаем: так всегда бывает, что новые идеи пробиваются с трудом. И, помню, я его осторожно спрашивала: «А если не напечатают?», а он мне: «А куда они денутся? Ну, обсудят, ну, еще что-нибудь скажут, а все равно напечатают!» Меня всегда его присутствие успокаивало. Я тоже начинала думать, что ведь неважно, где напечатают, когда, а важно, что он эту работу сделал, что она уже есть, он везде ее рассказывает, что число его сторонников растет. Растет число учеников, просто людей, разбирающихся в этом, которые хотят разобраться.

Я заканчиваю, и в заключение хочу опять сказать, что в портретах Юрия Львовича мне не хватает его глаз. На портретах не создается тот образ человека, которым он был на самом деле, которого я знала. Я узнала его, к сожалению, поздно. К сожалению, не могла присутствовать на похоронах. А, с другой стороны, это даже и лучше. Я думаю, что он всегда в моей памяти — будет живым. Он всегда нас будет сопровождать по жизни. Во многом, что удалось сделать, и в том, что дальше будет делаться, есть его вклад.

И. Р. Пригожин и Ю. Л. Климонтович